

УДК 811.113.6

БОРЬБА МЕЖДУ СВЕКОМАНАМИ И ФЕННОМАНАМИ КАК ИМПУЛЬС ДЛЯ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА В ФИНЛЯНДИИ

А.М. Дементьева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматриваются сложившиеся в XIX веке в Финляндии общественно-политические движения в защиту финского и шведского языков и результаты их идеологического противостояния, которое стимулировало первые исследования финляндского варианта шведского языка. Идеологическая борьба между фенноманами и свекоманами способствовала возникновению научного интереса к финляндскому варианту шведского языка, а также развитию финского как языка культуры и литературы.

Ключевые слова: фенномания, свекомания, финляндский вариант шведского языка, шведский язык, история Финляндии.

В силу исторических причин, обусловленных длительным вхождением в состав Швеции, а в 1809–1917 гг. в состав Российской империи, Финляндия стала страной с двумя государственными языками – финским и шведским. Шведский язык долго сохранял статус единственного официального языка, на котором осуществлялось управление и велось преподавание. После того как Финляндия перешла в состав России и финский язык, наравне со шведским, получил статус официального, доля той части населения страны, для которой шведский является родным, стала постепенно уменьшаться и в настоящее время составляет лишь 5% от общего числа жителей. Финляндский вариант шведского языка (finlandssvenska) отличается от литературного языка, который используется в Швеции (sverigesvenska) рядом особенностей, прежде всего в области фонетики и лексики. В словарном составе финляндского варианта шведского языка имеется большое количество лексем, возникших под влиянием финского, а также некоторые заимствования из русского языка; кроме того, в нём сохраняются слова, которые вышли из употребления на территории Швеции. Однако финляндизмы, которые представляют интерес для современного лингвиста, ещё 150 лет назад не рассматривались скандинавскими филологами в качестве материала для анализа, а считались нежелательными проявлениями провинциальной речи. Каким же образом возник интерес к изучению шведского языка в Финляндии? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к общественно-политической истории Финляндии XIX века, когда её территория в результате военного поражения Швеции в 1809 г. вошла в состав Российской империи.

Великое княжество Финляндское, просуществовавшее в составе Российской империи более ста лет, обладало широкой внутренней и внешней автономией. Оно получило большие привилегии: сохранение старого шведского законодательства, лютеранского вероисповедания, сословных прав жившей на территории Финляндии шведской аристократии и, что особенно важно, сохранение шведского в качестве единственного официального языка региона. Развитию национального самосознания способствовала деятельность многих представителей интеллигенции Финляндии первой половины XIX века и возникновение нового общественного

движения – фенномании, представителей которого стали называть фенноманами. Оно зародилось в университетских кругах города Турку (по-шведски Обу) и провозглашало своей целью сохранение и развитие финской культуры и финского языка. Вначале это было далёкое от политических дискуссий национально-культурное движение, возникшее под влиянием идей романтизма, охвативших в то время страны Западной Европы и Россию. Ранними представителями фенноманов были писатель и журналист А.И. Арвидссон, писатель Э.Г. Эрстрём, профессор университета Турку Ф. Бергбум, которые в своих произведениях пробуждали интерес к финскому языку и народной культуре страны. Отчасти благодаря их усилиям в 1826 г. в университете Турку, где преподавание велось на латинском и шведском языках, была открыта должность лектора финского языка. Однако первый этап движения фенноманов не выходил за рамки узких университетских кругов и не вызвал оживлённой общественной дискуссии.

Значительно более заметную роль для развития финской культуры и идей, провозглашённых фенноманами, сыграло творчество Юхана Людвиг Рунеберга (1804–1877), выдающегося национального поэта Финляндии. В своей поэзии Рунеберг описывал природу Финляндии, традиционный финский образ жизни простого народа и не раз обращался к военно-патриотической теме. Самым ярким произведением на эту тему представляется проникнутая духом патриотизма поэма «Рассказы прапорщика Столя» (1848, 1860) о русско-шведской войне 1808–1809 гг., в которой он изобразил бедный и покорный судьбе финский народ храбрым и преданным родине [10]. Прологом к поэме Рунеберга является стихотворение «Наш край» (швед. *Vårt land*, фин. *Maamme*), которое стало национальным гимном Финляндии. «Рассказы прапорщика Столя» сыграли важную роль в развитии самосознания финнов. В исторически сложные для Финляндии периоды, например, во время советско-финской войны 1939–1940 гг., текст поэмы бесплатно раздавали народу [10]. При этом Рунеберг создавал свои глубоко патриотические произведения на родном для него шведском языке, что не помешало ему уже при жизни получить широкое признание в Финляндии, которая была его родиной. Это говорит о том, что шведский язык не воспринимался в финляндском обществе как чужой, а являлся неотъемлемой частью культуры Финляндии.

Творчество Рунеберга сыграло большую роль в становлении и развитии движения фенноманов. Исследователи отмечают, что «ранний этап национального движения восторженно воспринял воспетые Рунебергом патриотические идеалы и народные характеры крестьян и рыбаков» [1: 11]. Его произведения оказали влияние на его друга, собирателя финского фольклора и врача Элиаса Лённрута (1802–1884), деятельность которого стала особенно важной для развития культуры всей страны. Э. Лённрут наиболее знаменит тем, что собрал и издал карело-финский эпос «Калевала» (1835–1836) и сборник финской народной поэзии «Кантелетар» (1840), что стало итогом его фольклорных экспедиций на восток Финляндии и в Карелию. Кроме того, он внёс большой вклад в развитие финского литературного языка – составил несколько словарей, развивал терминологию в области ботаники и медицины, издавал на финском языке журнал «Пчела», а также создал много новых слов культуры, вошедших в финский литературный язык, таких как *kirjallisuus* 'литература', *itsenäinen* 'независимый', *tasavalta* 'республика' [11].

Наглядным примером, свидетельствующим о духовном единстве народа Финляндии, является деятельность Сакриаса Топелиуса (1818–1898), финляндского писателя и исследователя финно-угорского фольклора, который также создавал свои произведения только на шведском языке. Он прославился как автор сказок,

созданных на основе карело-финских и саамских преданий, и за это в Финляндии его ласково называют по-фински словом *satusetä* 'дядюшка-сказочник'.

Существенную роль для популяризации идей фенноманов сыграли научные работы и лекции знаменитого исследователя финно-угорских языков, основоположника сравнительной уралистики, профессора университета Хельсинки М.А. Кастрена (1813–1852), который, как и Рунеберг, происходил из семьи финляндских шведов.

Говоря о культурной и общественной деятельности фенноманов, необходимо также назвать выдающегося финского государственного деятеля Юхана Вильгельма Снелльмана (1806–1881), способствовавшего экономическому и культурному развитию Финляндии. Став в 1863 году сенатором, Снелльман добился того, чтобы финский язык стал языком делопроизводства наравне со шведским, внося тем самым большой вклад в развитие региона. Важную роль в этом процессе сыграла философская концепция Снелльмана о том, что язык является основным инструментом формирования нации. Он считал, что для формирования финляндской нации необходимо повышать статус финского языка в качестве объединяющего народ фактора, поскольку для большей части населения страны он был родным языком. Поэтому шведский язык, по мнению Снелльмана, в Финляндии должен был со временем выйти из употребления, о чем он сообщил в 1860 г. в одном из своих писем С. Топелиусу [14].

Деятельность Ю.В. Снелльмана и других фенноманов способствовала тому, что в 1858 г. в городе Ювяскюля был открыт первый в Финляндии лицей, в котором велось преподавание на финском языке; со временем такие учебные заведения появились и в других регионах княжества. Несомненно, что все эти важнейшие нововведения стали возможными потому, что в развитии финского языка в Финляндском княжестве была заинтересована высшая российская власть, представители которой видели в либеральных реформах возможность отдалить Финляндию от Швеции и продемонстрировать свою лояльность по отношению к финскому языку. По свидетельству историков, знаком «высочайшего расположения к простому люду, говорившему на финском языке, стало посещение императором Финляндии, в частности, местечка Парола, летом 1863 г.» [3: 79]. Государственные деятели Финляндии понимали всю значимость расположения Александра II и, в свою очередь, занимали пророссийскую позицию в вопросах международной политики.

В середине XIX в. идеи фенноманов начали активно распространяться по всей Финляндии; некоторые из сторонников этого движения осознанно переходили с родного на финский язык уже будучи во взрослом возрасте. Так, житель Выборга, исследователь финского фольклора Юлиус Крон, родным языком которого был немецкий, стал говорить в семье исключительно по-фински после женитьбы на Э.С. Нюберг, родным языком которой был шведский, убедив жену также перейти на финский [16: 205]. Вдохновившись идеями фенноманов, многие финляндские шведы стали «переводить» свои имена и фамилии на финский язык [15]. Так, например, поступил писатель Алексис Стенвалль, гораздо более известный в Финляндии под финским именем Алексис Киви (швед. *sten*, фин. *kivi* 'камень').

В результате всех этих процессов в Финляндии начала формироваться финноязычная интеллигенция, а финский стал активно развиваться как язык культуры. Однако с усилением позиций финского языка положение шведского стало ухудшаться. Отчасти это было связано с тем, что шведоязычное население всегда составляло в Финляндии меньшинство – в конце XIX в. количество жителей стра-

ны, для которых родным был шведский язык, составляло всего 13% от общего числа населения Финляндии [8]. Однако главной причиной ослабления позиций шведского было проникновение финского языка в те сферы общественной жизни, где ранее он не использовался, и активная поддержка финского языка российской властью, стремившейся ослабить положение шведского языка в Финляндии по политическим причинам. Поэтому уже в 1860-е годы начались первые общественные дебаты между сторонниками финского и шведского языков, которые касались не только языковой ситуации в Финляндии, но и политических вопросов. В 1870 г. защитники шведского языка образовали «Шведскую партию» (швед. *Svenska partiet*) с либеральным уклоном, в противовес уже существовавшей «Финской партии» (фин. *Suomalainen puolue*), созданной в 1863 г. на основе идеологии фенноманов. Таким образом, повышение статуса финского или шведского языка в Финляндии второй половины XIX в. стало ассоциироваться с выражением определённых политических взглядов.

Одновременно с появлением «Шведской партии» возникло общественно-политическое движение свекоманов (шведоманов), оформившееся в 1870-х гг., идеологической платформой которого стал шведоязычный журнал «Викинг», выходивший с 1870 по 1874 гг. В то же время идеи фенноманов излагались в финноязычной газете «Суометар» (1847–1866), а позднее в более радикальной «Ууси Суоми» (1869–1918).

С журналом «Викинг» тесно связано имя основного идеолога свекоманов, профессора шведского языка и литературы в университете Хельсинки Акселя Улофа Фрейденталля (1836–1911). Фрейденталь исходил из того, что финляндские шведы имеют такое же, как и финны, право развивать и защищать свое национальное самосознание. По мнению Фрейденталля, а вслед за ним и других свекоманов, Финляндия была призвана отстаивать западные традиции и ценности, унаследованные во времена шведского владычества, от натиска восточных, т.е. российских порядков [16: 207]. Таким образом, свекоманы «вели борьбу на два фронта – против имперских амбиций России и против собственных фенноманов» [2]. Фрейденталь, как и некоторые другие свекоманы, увлекался антинаучной расовой теорией и полагал, что шведский народ, принадлежащий к германской расе, априори превосходит финнов по культуре и общему развитию. Такие идеи не могли найти широкого отклика в Финляндии.

Между тем борьба между свекоманами и фенноманами разворачивалась не только на страницах печатных изданий. Так, сенатор Казимир фон Котен (1807–1880), бывший представителем одного из самых знатных дворянских родов Финляндии и сделавший успешную карьеру в молодом возрасте при поддержке российской и финляндской знати, стал одним из активных противников фенномании. Он способствовал закрытию газеты Снелльмана «Сайма», в которой содержалась критика его деятельности, после чего Снелльман и фон Котен оставались врагами всю жизнь [14]. В 1870 г. фон Котен был назначен на должность председателя Управления школьного образования Финляндии (фин. *kouluylihallitus*) и оставался на этом посту до 1873 г. Он боролся против идеи преподавания на финском языке и приложил много усилий для того, чтобы ослабить положение финского языка, однако из-за многочисленных разногласий с коллегами был вынужден вскоре подать в отставку. Только после отставки влиятельного фон Котена образование на финском языке стало действительно развиваться.

Борьба за сохранение статуса шведского языка в Финляндии привела свекоманов к идее необходимости описания и исследования финляндского варианта

шведского языка. Одним из основоположников изучения шведского языка в Финляндии стал А.У. Фрейденталь, который в своих основных работах описал восточношведские диалекты в Финляндии и Эстонии. Его первое исследование было посвящено фонетическим особенностям диалектов провинции Уусимаа (1866); в дальнейшем он продолжил изучать эту группу диалектов, в том числе с точки зрения звуковых соответствий в других диалектах шведского языка. Кроме того, Фрейденталь со своими учениками много путешествовал по Финляндии, собирая фольклор финляндских шведов, а также различный языковой материал для изучения восточношведских диалектов. Таким образом, важнейшим достижением Фрейденталья является то, что он одним из первых обратил внимание исследователей на особенности шведского языка в Финляндии. Примерно в то же время другие лингвисты начали изучать фонетические и морфологические особенности шведских диалектов региона Турку [6], а также на архаичный изолированный диалект муниципалитета Чёкар на Аландских островах [9]. К концу XIX в. им удалось описать фонетические особенности различных шведских диалектов Финляндии. В 1894 г. ученик А.О. Фрейденталья Оскар Фредрик Хультман издал книгу «Восточношведские диалекты», в которой обобщил накопленные исследователями сведения по фонетике и обозначил географические границы диалектов Финляндии и Эстонии, разделив их на три основные группы – севернофинляндскую, южнофинляндскую и балтийскую [7]. По результатам исследования О.Ф. Хульмана к севернофинляндским диалектам были отнесены диалекты Остроботнии, Сатакунты, Аландских островов и прихода Хоутшэр в юго-западной Финляндии (сейчас часть города Парайнен), а к южнофинляндским диалектам – говоры провинции Уусимаа и Варсинайс-Суоми (за исключением Хоутшэра). В балтийскую группу вошли диалекты материковой Эстонии и острова Рухну, а также наречие села Старошведского (Украина, Херсонская область). При установлении диалектных границ Хультман опирался на звуковые соответствия в диалектах, подробно описав фонетические особенности каждого из местных наречий Финляндии и Эстонии. Таким образом, работа Хульмана стала первым обобщающим исследованием в области фонетики и фонологии восточношведских диалектов.

Крупнейшим исследователем финляндского варианта шведского языка в тот период стал филолог Хуго Бергрот (1866–1937), разработавший научные принципы, на которые до сих пор опираются специалисты, занимающиеся нормированием финляндского варианта шведского языка. Его позиция нашла выражение в нескольких работах, главной из которых является книга «Финляндский шведский. Как избежать провинциализмов в устной и письменной речи», изданная в Хельсинки в 1917 году [5]. Как и свекоманы, Бергрот был серьёзно озабочен проблемой сохранения шведского языка в Финляндии, который испытывал сильное финское влияние. По мысли Бергрота, для сохранения шведского языка он должен быть по возможности очищен от различных проявлений финского влияния. С точки зрения свекоманов, именно такой «правильный» шведский язык объединял Финляндию с Швецией и её культурными ценностями [4]. Бергрот преподавал шведский язык в Хельсинкском университете будущим юристам и учителям. Провинциализмы в речи студентов и задачи обучения литературному шведскому языку, стоявшие перед ним как преподавателем, дали обширный материал для размышлений и исследований. Большое влияние на Бергрота оказала переписка с шведским языковедом Адольфом Нуреном, который, вероятно, обратил внимание на особенности финляндского варианта шведского языка, поскольку в письмах Бергрота встречалось немало финляндизмов [12].

Книга Бергрота «Финляндский шведский. Как избежать провинциализмов в устной и письменной речи» – это первая работа, целью которой являлось не только описание финляндизмов, но и нормирование шведского языка в Финляндии. Само её название указывает на позицию автора, считавшего финляндизмы провинциализмами, которых следует избегать в речи. Эта книга окончательно определила основную линию в исследовании финляндизмов вплоть до современности и легла в основу современных принципов языкового нормирования финляндского варианта шведского языка, который не должен отличаться от литературной нормы, иначе ему грозит исчезновение под натиском финского.

Вместе с тем следует отметить, что основное исследование Х. Бергрота представляет научный интерес не только с точки зрения языкового нормирования. В книге содержится подробное описание особенностей финляндского варианта шведского языка в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексического состава. Большинство языковых особенностей, отмеченных почти сто лет назад, до сих пор бытует в шведском языке Финляндии. Х. Бергрот подробно описал словарный состав, распределив характерную для финляндского варианта лексику по нескольким тематическим группам – названия животных и растений, зданий и строений, погодных явлений, географические названия и названия одежды, предметов мебели и т.д.

Для слов, встречающихся только в финляндском варианте, Х. Бергрот приводит их эквиваленты из литературного шведского языка, например: финл. шв. *gamlorna* 'родители' – лит. шв. *föräldrarna*, финл. шв. *kudda* 'коровка' – лит. шв. *kossa*, финл. шв. *syerska* 'швея' – лит. шв. *sömmerska*. В тех случаях, когда в шведском литературном языке нет прямого соответствия финляндской лексеме, Бергрот особо отмечает этот факт и подробно описывает значение слова, а также приводит его синонимы, например: «Чисто финляндским словом, не имеющим аналога в литературном языке, является *varmbröd* (*varmbulle*), используемое для описания свежее испечённого хлеба, который только что достали из печи, особенно если его посылают другу или соседу. Лит. шв.: *ett nygräddat bröd*» [5: 316].

Х. Бергрот выделял также заимствованные слова и указывал на их происхождение. Основным источником заимствований является финский язык; однако в книге Бергрота приводятся также слова, заимствованные из русского, немецкого и французского языков. Характерно, что он призывает избегать употребления в речи финских заимствований, в то время как лексемы французского и немецкого происхождения являются, по его мнению, вполне приемлемыми. В некоторых случаях Бергрот приводит этимологию слов, имевшихся в древнешведском языке, которые сохранились только в финляндском варианте, например, финл. шв. *åga/aga* 'беспокойство' от древнешв. *aghe* 'ужас' [5: 326]. Кроме того, в книге имеется отдельный раздел, в котором рассматриваются лексемы, существующие и в литературном шведском, но имеющие в финляндском варианте другие значения.

Бергрот детально описал свыше 1400 лексических финляндизмов, которые до сих пор являются употребительными на всей территории страны. В тех случаях, когда слово имеет ярко выраженный диалектный характер, Бергрот отмечал это, однако большинство приведённых им слов не имеет таких помет. Работа Х. Бергрота представляет ценность также потому, что она является первым исследованием, в котором выделены лексические особенности не отдельных местных говоров, а большинства диалектов Финляндии. Работы Бергрота положили начало нормативному описанию финляндского варианта шведского языка. Вместе с тем они

явились закономерным итогом идеологии и практической деятельности свекоманов.

Таким образом, идеологическое противостояние между фенноманами и свекоманами, с одной стороны, способствовало повышению статуса финского языка и развитию финской народной культуры, а с другой, положило начало изучению финляндского варианта шведского языка и способствовало возникновению интереса к культуре носителей этих языков. Соперничество этих движений положительно повлияло на развитие финского общества и стало основой для формирования единой финляндской нации, в которой как финский, так и шведский язык являются государственными и обладают равными правами.

Список литературы

1. Братчикова Н.С. Скромный гений финляндской литературы Юхан Людвиг Рунеберг // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 7–16.
2. Новикова И. И. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М.: МОНФ, 1997. С. 130–149.
3. Юссилла О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь Мир, 2010. 472 с.
4. af Hällström-Reijonen, Ch. Finlandssvensk språkvård – en resultatrik ideologi? // Språknormering: - i tide og utide? 2010. S.157–170.
5. Bergroth H.. Finlandssvenska. Handledning till undvikande av provinsialismer i tal och skrift. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1992. 366 s.
6. Fagerlund L. W. Anteckningar om Korpo och Houtskärs socknar. Helsingfors: Finska Vetenskaps-Societeten, 1878. 334 s.
7. Hultman O.F. De östsvenska dialekterna. Finländska bidrag till svensk språk- och folkkläfforskning. Helsingfors, 1894. 345 s.
8. Kansalliskielten historiallinen, kulttuurinen ja sosiologinen tausta. Nationalspråkens historiska, kulturella och sociologiska bakgrund. [Electronic resource] // Suomen oikeusministeriö. 2000. URL: <http://www.kieliverkosto.fi/dokumentti/kansalliskielten-historiallinen-kulttuurinen-ja-sosiologinen-tausta-nationalsprakens-historiska-kulturella-och-sociologiska-bakgrund/> (accessed at 02.10.2016)
9. Karsten A. Käkarsmälet. Ljud- och förmlära. Helsingfors: SvLm 12:3, 1891. 151 s.
10. Klinge M. Runeberg, Johan Ludvig [Electronic resource] // Kansallisbiografia. URL: <http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/2846/> (accessed at 02.10.2016)
11. Majamaa R. Elias Lönnrot. [Electronic resource] // SKS-tietopaketti. URL: http://neba.finlit.fi/tietopalvelu/elias/el_elama.html (accessed at 02.10.2016)
12. Reuter, Mikael. BERGROTH, Hugo [Electronic resource] // Biografiskt lexikon för Finland 2. Ryska tiden. 2007. URL: <http://www.blf.fi/artikel.php?id=9525> (accessed at 02.10.2016)
13. Saukkonen, P. The Finnish Paradox: Language and Politics in Finland // Recode Working Paper Series. 2012. № 5. Pp. 1–11.
14. Savolainen R. von KOTHEN, Casimir. Senator, generallöjtnant, friherre [Electronic resource] // Biografiskt lexikon för Finland 2. Ryska tiden. 2007. URL: <http://www.blf.fi/artikel.php?id=3512> (accessed at 02.10.2016)
15. Teppo, H. Sukunimien suomalaistamisesta. Hieman historiikkia ja periaatteita // Suomalainen Suomi. 1942. № 3. S. 105–113.
16. Viikko M. Suomi on ruotsalainen. Helsinki: Schildts & Söderströms, 2014. 321 s.

**THE STRUGGLE BETWEEN FENNOMAN
AND SVECOMAN MOVEMENTS AS AN IMPULSE TO THE START
OF RESEARCH OF FENNO-SWEDISH**

A.M. Dementyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article describes the socio-political movements that emerged in the XIX century in Finland to defend the Finnish and Swedish languages and the results of their ideological confrontation that stimulated the first studies of the Finnish version of Swedish. The ideological struggle between Svecoman and Fennoman movements contributed to the scholarly interest in the Fenno-Swedish, as well as to development of Finnish as a language of culture and literature.

Keywords: *Fennoman movement, Svecoman movement, Fenno-Swedish, Finland Swedish, the Swedish language, history of Finland.*

Об авторе:

ДЕМЕНТЬЕВА Александра Максимовна – аспирант кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, e-mail: aleksandra.dementieva@gmail.com